

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 43–58.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2024. Vol. 4 (81). P. 43–58.

Научная статья

УДК 94(574)

doi: 10.54398/1818-510X.2024.81.4.004

ПОЛОЖЕНИЕ НОМАДНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Джумагулова Айгуль Темерхановна¹✉, Кидирниязов Даниял Сайдахмедович²

¹Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

²Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, г. Махачкала, Россия

¹aigul-men@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>

²daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Аннотация. Цель публикации – проанализировать состояние nomадного животноводства ногайцев, калмыков и туркмен, проживавших в Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. Характер материальной и духовной культуры кочевых народов Юга России определялся ведением кочевого скотоводческого хозяйства, остававшегося в течение многих веков основной жизни nomадов. Однако в первой половине XIX в. животноводство местных народов развивалось чрезвычайно медленно. В значительной степени это объяснялось особенностями природно-климатического и географического ландшафта местностей проживания кочевых обществ, а также свирепствующими в регионе эпизоотиями (чума крупного рогатого скота, сибирская язва и др.). Научная новизна работы заключается в подходе к изучению состояния местного животноводства с помощью соотношения статистики развития животноводства с количеством народонаселения и площадями проживания nomадов: Ачикулакского приставства, Большедербетовского улуса и Туркменского приставства. Проанализировано эпизоотическое состояние nomадного животноводства в рассматриваемый исторический период. В результате исследования был сделан вывод, что nomадное животноводство Ставропольской губернии, несмотря на абсолютное и относительное сокращение скота в отдельные периоды (1850-е, 1870–1880-е и 1910-е гг.) сохраняло довольно сильные позиции на Северном Кавказе, однако структурные изменения в животноводстве кочевых обществ протекали далеко неодинаково. Степное скотоводство с экстенсивными способами разведения и ухода за животными под влиянием многочисленных факторов и естественного хода экономической эволюции подвергалось трансформациям, которые выражались в смене старых хозяйственных форм более современными. Большедербетовский улус, Ачикулакское и Туркменское приставства Ставропольской губернии оставались крупнейшими скотоводческими районами Северного Кавказа.

Ключевые слова: Российская империя, Ставропольская губерния, Ачикулакское приставство, Большедербетовский улус, Туркменское приставство, nomады, кочевое скотоводство, экстенсивное хозяйство, эпизоотии, природно-климатические факторы

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00313 «Трансформация кочевых обществ Юга России в контексте природно-климатических факторов (XIX – середина XX в.)» (<https://rscf.ru/project/22-18-00313/>).

Для цитирования: Джумагулова А. Т., Кидирниязов Д. С. Положение nomадного животноводства Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 4 (81). С. 43–58. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.004>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE SITUATION OF NOMADIC ANIMAL HUSBANDRY IN STAVROPOL PROVINCE
IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

Aigul T. Dzhumagulova^{1✉}, *Daniyal S. Kidirniyazov*²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

²Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center
of the RAS, Makhachkala, Russia

¹aigul-men@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4067-956X>

²daniyal2006@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Abstract. The purpose of the publication is to analyze the state of nomadic animal husbandry – Nogais, Kalmyks and Turkmens – who lived in Stavropol province in the 19th – early 20th centuries. The nature of the material and spiritual culture of the nomadic peoples of Southern Russia was determined by the management of nomadic cattle breeding, which remained the basis of nomadic life for many centuries. However, in the first half of the 19th century, the livestock breeding of local peoples developed extremely slowly. To a large extent, this was explained by the peculiarities of the natural, climatic and geographical landscape of the areas inhabited by nomadic societies, as well as the epizootics raging in the region (cattle plague, anthrax, etc.). The scientific novelty of the work lies in the approach to studying the state of local animal husbandry, which consists in the ratio of statistics of livestock development with the number of population and areas of residence Nomads: the Achikulaksky bailiff, Bolshederbetovskiy ulus and the Turkmen bailiff. The epizootic state of nomadic animal husbandry in the historical period under consideration is analyzed. As a result of the study, it was concluded that nomadic livestock breeding in Stavropol province, despite the absolute and relative reduction of livestock in certain historical periods (1850^s, 1870–1880^s, 1910^s) maintained its rather strong positions in the North Caucasus, however, structural changes in livestock breeding of nomadic societies proceeded far differently. Steppe cattle breeding with extensive methods of breeding and caring for animals under the influence of numerous factors and the natural course of economic evolution, underwent transformations, which was expressed in the change of some economic forms with new, modern ones. Bolshederbetovskiy ulus, the Achikulak and Turkmen bailiffs of Stavropol province remained the largest cattle-breeding regions of the North Caucasus.

Keywords: Russian Empire, Stavropol province, the Achikulak bailiff, Bolshederbetovskiy ulus, Turkmen bailiff, nomads, nomadic cattle breeding, extensive farming, epizootics, natural and climatic factors

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific grant No. 22-18-00313 “Transformation of nomadic societies of the South of Russia in the context of natural and climatic factors (XIX – mid-XX centuries)” <https://rscf.ru/project/22-18-00313/>.

For citation: Dzhumagulova A. T., Kidirniyazov D. S. The situation of nomadic animal husbandry in Stavropol province in the 19th – early 20th centuries. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2024, no. 4 (81), pp. 43–58. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2024.81.4.004>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Географические и климатические условия степного Предкавказья оказали основное влияние на направление хозяйственной жизни местных народов. Степи Ставропольской губернии с их обширными пастбищами благоприятствовали развитию именно кочевнического животноводства. Несмотря на большие потери скота, случавшиеся нередко вследствие стихийных бедствий и эпизоотий, у кочевников всегда оставался скот, обеспечивавший их продуктами питания и сырьем для домашнего производства.

Актуальность исследования заключается в необходимости исследования и анализа динамики развития кочевнического животноводства у кочевых народов, проживавших в Ставропольской губернии в XIX – начале XX в. Это имеет большое значение для изучения исторического развития региона, а также для понимания взаимосвязи между

природно-климатическими условиями, эпидемиологической обстановкой, численностью населения и развитием животноводства.

Задачи исследования включают в себя анализ состояния nomадного животноводства населения Ставропольской губернии, оценку влияния природно-климатических и географических особенностей на развитие скотоводческого хозяйства, а также определение тенденций развития животноводства в данном регионе в исторической перспективе.

Материалами исследования послужили статистические данные, опубликованные в рассматриваемый исторический период в официальных хрониках, зачастую представлявшихся на страницах губернских ведомостей [21; 26]. Источниковой базой исследования стали материалы Государственного архива Ставропольского края [6–8], а также отчеты государственных служащих, комитетов, животноводческих обществ [12; 18–20; 27; 29]. Теоретическую базу исследования составляют публикации (исследовательские работы, заметки путешественников), в которых содержатся важные данные о жизни и хозяйственной деятельности и этнографических особенностях инородцев Ставропольской губернии [2–5; 11; 15; 17; 22; 24; 25; 28; 30; 31]. К настоящему времени создана солидная историографическая база, раскрывающая особенности социально-экономической деятельности nomадов в рассматриваемый исторический период [1; 9; 10; 14; 16; 23].

Исследование выполнено с опорой на историко-генетический и сравнительный методы.

Основная часть

Территория кочевых народов составляла четвертую часть Ставропольской губернии. В административном отношении земли степных народов относились к Управлению главного пристава кочующих народов (1859) и разделялись на Ачикулакское приставство, населенное ногайцами (едисанцы, джембойлуковцы, едишкульцы), Караногайское приставство¹, Большедербетовский улус, населенный калмыками, и Туркменское приставство, где проживали туркмены [16, с. 1265–1271]. Экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство (или nomадное животноводство) в течение многих веков являлось основой традиционного способа производства у ногайцев, калмыков и туркмен. Главными отраслями животноводства было разведение крупного рогатого скота, лошадей, овец, верблюдов и коз. С начала XIX в. в регионе выращивали коров, лошадей ногайской и калмыцкой пород, овец курдючной и тонкорунной пород. Однако развитию животноводства кочевников в значительной мере препятствовали частые засухи, зимние морозы и бураны, приводившие к недороду травяной растительности и, как следствие этого, голоду животных. Во время сильнейшей пурги 1811 г. «только калмыки потеряли 32 076 крупного рогатого скота, 203 670 овец и 1 531 верблюдов. Исключительно голодной была зима 1844–1845 гг. Лютые морозы поставили в тяжелое положение скотоводов. Только у туркмен и ногайцев погибло верблюдов и крупного рогатого скота 21 912 голов и 72 018 овец» [10, с. 123]. Ставропольский краевед Г. Н. Прозрителев приводит наиболее тяжелые периоды:

«1810–1812 гг. – в губернии была чума.

1833 и 1848 гг. – невероятно жаркое лето – все погорело.

1874, 1875 и 1876 гг. – неурожай хлеба и трав.

1860 г. – саранча истребила посевы.

1885 г. – засуха – “ни хлеба, ни трав”.

1859–1860 гг. – снежная зима, а в 1897–1898 гг. выпало необыкновенное количество снега.

В 1860 г., в марте, сильная метель продолжалась 1,5 недели» [22, с. 37].

¹ В составе Ставропольской губернии числились также Калаус-Джембойлуковское, Калаус-Саблинское и Бештово-Кумское приставства, населенные кочевыми и полукочевыми ногайцами. С 1 декабря 1861 г. ввиду переселения этих обществ в Османскую империю приставства были закрыты. В материалах публикации не учитывались статистические сведения о положении nomадного животноводства в среде этих обществ.

Огромный ущерб от природных катаклизмов осложнялся значительными хищениями скота, отнимавшими у хозяев порой последних домашних животных, составлявших единственное их имущество. Обширность степей и удаленность гуртов скота и отар овец от властей способствовали как хищению, так и укрывательству похищенных животных, причем, как показывали судебные процессы, «пристаносодержателями» оказывались соседствовавшие кочевые общества [31, с. 53].

Особенно значительные потери животноводство понесло вследствие эпизоотических болезней. Конечно же, они были распространены и до XIX в., но с увеличением количества скота и интенсивного его передвижения по территории губернии эпизоотии приобрели зловещий характер, подрывая всю экономику кочевничества [22, с. 24–25]. После окончания Кавказской войны, кражи и угоны скота были сведены к минимуму, что в немалой степени способствовало благополучию местных животноводов [14, с. 400–402]. Но повторяющиеся морозы, метели, снежные зимы, засуха, саранча наносили немалый ущерб хозяйствам местных жителей. Главным же бедствием кочевничества оставались эпизоотии, продолжавшиеся в регионе многие десятилетия. «Ежегодно тысячи штук рогатого скота бывают жертвой чихирной болезни», – отмечалось на страницах Ставропольских губернских ведомостей. Эпизоотия охватывала порой половину губернии [4, с. 51]. Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России перепечатывались на страницах губернских ведомостей, приводя практические методы в борьбе с чумой рогатого скота, ставшей настоящим «бичом» этого края [26, 1852, № 34, с. 2]. Свиристествовавшие эпизоотии охватывали значительные территории и приводили к гибели крупных и мелких рогатых животных, лошадей, верблюдов.

Номадное животноводство, являясь главным занятием ногайцев, калмыков и туркмен, было единственным средством их существования. Приведем данные по численности кочевников и наличию у них скота из годового отчета о деятельности гражданского губернатора за 1814 г. (табл. 1).

Таблица 1. Численность кочевников и наличие у них животных [7, л. 25]

Народы	Население		Животные			
	число кибиток	число людей	лошади	крупный рогатый скот	овцы	верблюды
Караногайцы	2 317	6 951	39 147	37 746	252 472	–
Едишкульцы	936	2 808	11 971	13 234	71 968	–
Джембойлуковцы	437	1 311	2 336	4 925	8 155	–
Едисанцы	368	1 104	1 067	6 029	3 151	–
Всего у ногайцев	4 058	12 174	54 521	61 934	335 726	–
Калмыки	14 288	57 152	417 451	407 470	1 555 126	65 125
Туркмены	836	3 344	36 000	36 000	202 000	5 300
Всего у калмыков и туркмен	15 124	60 496	453 451	443 470	1 757 126	70 425
Итого	19 182	72 670	507 972	505 304	2 092 952	70 425

Из представленных сведений следует, что на каждую кибитку (семью) приходилось в среднем (голов): лошадей – 26,5, крупного рогатого скота – 26, овец – 108. Конечно же, говорить о равномерном распределении скота в кочевых обществах не приходилось. Важно отметить, что в разных источниках приводятся статистические данные почти всегда неполные, а иногда и противоречивые, т. к. в существовавших в то время условиях отсутствия правильного учета и отчетности сами владельцы домашних животных часто утаивали истинные цифры наличия поголовья. На статистику также влияли особенности управления номадами с целью избегания обложения налогами. К примеру, у калмыков не было единого управления, т. к. земли принадлежали различным губерниям, в частности разделены между Ставропольской и Астраханской

губерниями. В составе Ставропольской губернии проживали калмыки Большедербетовского улуса, но при этом нередко в отчетах присутствовали сведения и о положении калмыков, проживавших в Малодербетовском улусе. С 1888 г. Караногайское приставство, ввиду сложностей в административном управлении и отдаленности от губернского центра, было причислено к Терской области, в связи с этим статистические материалы конца XIX в. о положении кочевнического животноводства в регионе, как представляется, не до конца информативны. Сравнение наличия домашних животных в разные годы показывают значительные колебания указанных показателей (табл. 2).

Таблица 2. Численность поголовья животных у калмыков [1, с. 57]

Год	Всего	Верблюды	Лошади	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы
1827	803 314	45 985	160 910	124 690	459 036	12 693
1837	249 728	7 377	33 308	33 308	168 999	6 736

Из данных таблицы 2 следует, что за десятилетний период было потеряно около 70 % всего скота. В связи с гололедицей и связанной с ней бескормицей скот был значительно изнурен, и только в одном Малодербетовском улусе погибло более 13 000 лошадей, около 3 000 верблюдов, 44 000 овец и коз и около 14 000 голов крупного рогатого скота. Велики были потери и в других калмыцких улусах.

У соседних с калмыками туркменских обществ структура животноводства не претерпела значительных изменений, однако такое соотношение происходило на фоне значительного роста кибиток (табл. 3).

Таблица 3. Численность поголовья животных у туркменских семей [1, с. 67]

Год	Количество				
	семей	лошадей	крупного рогатого скота	овец	верблюдов
1813	1 809	10 923	6 030	148 113	9 928
1869	2 714	12 632	6 063	113 628	7 955

Существенно сократилось только количество овец, а сокращение числа верблюдов компенсировалось увеличением поголовья скота.

Численность скота у ногайцев также варьировалась. В Ачикулак-Джембойлуковском приставстве в 1824–1825 гг. пало 11 538 лошадей, 14 658 голов крупного рогатого скота и 19 6132 овец. У караногайских и едишкульских обществ погибло в ту зиму 22 257 лошадей, 37 265 голов крупного рогатого скота и 91 818 овец. В донесениях приставов за 1844–1845 гг. указывалось, что опять суровая зима унесла большую часть скота у ногайцев. К началу марта у туркменских и караногайских обществ погибло 21 812 голов крупного рогатого скота и 72 018 овец [24, с. 222; 25, с. 531; 30, с. 413] (табл. 4).

Таблица 4. Численность поголовья животных ногайцев Караногайского приставства [9, с. 377–397]

Год	Количество			
	лошадей	крупного рогатого скота	овец	верблюдов
1812	22 698	54 465	286 138	48
1850	15 557	54 331	116 718	548

Существенно сократилось количество овец и лошадей, при этом увеличилось поголовье верблюдов. «Народ же ачикулак-джембойлуковский, – писал кавказский наместник М. С. Воронцов, – остался без лошадей, и беднейшие из хозяев, лишившись во время зимы не только скота, но и топлива, жгли свои кибитки и уходили в селения для пропитания» [9, с. 386].

Номадное животноводство у ногайцев, туркмен и калмыков как основное направление хозяйства подвергалось коренным изменениям в течение XIX столетия. Особенность его заключалась в том, что кочевание происходило на небольшой территории, на близко расположенных друг от друга аулов, без постоянных и сезонных пастбищ (летних, осенних, зимних и весенних), что отмечалось многими авторами того времени. Малоземелье приводило к нарушению пастбищно-кочевой системы, а в условиях необходимости содержания большого количества скота, на землях, не всегда «удобных» к животноводству (к примеру, только в Ачикулакском приставстве «неудобными», т. е. покрытыми песками являлись около 50 000 десятин земли [8, л. 6–6 об.]), делали их беспомощными в борьбе с эпизоотиями, т. к. больные животные должны были содержаться отдельно от здоровых.

Лечебным делом у кочевников занимались лекари, которые у разных народов назывались по-разному. Н. Львовский оставил интересные сведения о народном лечении у номадов: «Эмчи (лекари) определяют болезнь по урине, по биению пульса, по наружным болячкам, а больше всего по гаданиям дзургачей или астрологов. Средствами лечения являются лекарства, диета и различные молитвословия с заклинаниями. Лекарства они составляют из корней, цветов, молочных и мясных продуктов; например для излечения от укушения тарантул или черного паука эмчи настаивают этих насекомых в коровьем масле и таким сиропом мажут укушенные места» [17, с. 67]. Против разных болезней скота, как отмечает Д. Сетенев, «калмыцкие эмчи употребляют рыбий жир, деготь, керосин, сушеных ужей и различные травы. Всех видов болезней он считает около четырехсот. По его словам, болезни изучают на практике, но предварительно обучаются медицине друг от друга, больше всего из устной беседы. Каждый более или менее искусный эмчи имеет записную книжку, которая после его смерти достается в наследство одному из лучших его учеников. В таких книжках эмчи записывают лучшие свои опыты и наблюдения. С течением времени ученики, достаточно усовершенствовавшиеся в эмничестве, представляются учителем к повышению и посвящаются в гецюли; но должны еще совершенствоваться под руководством того же учителя. С этого времени они, с разрешения учителя, иногда занимаются самостоятельным лечением и составлением лекарств. Если им удастся вылечить кого-либо успешно, то по достижении двадцатилетнего возраста они возводятся в достоинство гелюнчи и тогда уже сами делают гелюнчами и учителями. Калмыки давно заметили, что если оставить овец на зиму невымытыми, то все они запаршивеют и передохнут. В числе лучших средств, добытых многолетним опытом, считается табачный отвар, которым перемывают овец после осенней стрижки» [17, с. 67–68]. Таким образом, кочевники применяли специальное обучение лекарству и передачу из поколения в поколение полученных эмпирическим путем сведений.

Известно, что среди караногайских обществ (как и среди других ногайцев) имелись отдельные скотоводы, которые пользовались репутацией хороших лекарей. Пример противоэпизоотических мер приведен в книге Я. П. Дубровой: «Чума в Ставропольской губернии существует искони. Калмыки, как исконные скотоводы, хорошо ее изучили и не менее ветеринаров понимают всю важность изоляции больного скота от здорового. Устраивают же они ее так. Заметив болезнь скота, сейчас же отделяют больных от здоровых. Первых отгоняют вниз балок, расположенных в глубине степи, а вторых в верховья, причем избираются балки, расположенные так, чтобы ложе их было за ветром, а не против ветра, дабы последним не заносилась чума в здоровые стада. Внизу же балок располагают больной скот потому, чтобы сточной водой, наружной и подпочвенной не заразить водоносов. Павших животных калмыки нисколько не медля обдирают, варят мясо и едят, но тем самым не разносят заразы, ибо и ветеринары признают, что прокипяченное мясо не содержит в себе чумных бактерий. Кожи также не ввозятся в хотон, пока не признаются безвредными. Затем, по прекращении чумы, оставшийся в живых скот выдерживали сорокодневный карантин и затем уже выгоняли в обычные места пастбищ и в хотоны» [11, с. 174]. Известно, что все кочевники

во время эпизоотического неблагополучия применяли более частую смену стоянок, чем при нормальной кочевке.

Организация систематической борьбы с эпизоотиями в Ставропольской губернии начинается со второй половины XIX в. Штат ветеринарных врачей включал: губернского, двух сельских – окружных, одного для кочевого населения и одного пунктового на скотопрогонном тракте; позже к ним добавились ветеринарные фельдшеры. Также в разные годы сюда были командированы врачи из соседних регионов. Тем не менее специалистов не хватало, один ветеринарный врач на все кочевые общества не мог охватить своим посещением огромную территорию кочевий [22, с. 24–25]. Между тем эпизоотическая ситуация в регионе не улучшалась. Широко проводимые в губернии ярмарки, интенсивное передвижение по ее территории промышленных гуртов, следовавших в центральные губернии, направление скота на бойни в Ставрополь, широко развитая в среде кочевников арбовая повинность и чумачество – все это не могло не сказаться отрицательно на эпизоотической обстановке, особенно по чуме.

Поэтому 3 июня 1879 г. был утвержден закон «Об убивании зачумленных животных с уплатой их владельцам установленного «вознаграждения»» [1, с. 165]. Однако внедрение данных норм в Ставропольской губернии (на Северном Кавказе) производилось медленно. Лишь с января 1887 г., согласно распоряжению Министерства внутренних дел, в Ставропольской губернии вводились эти нормы. Региональными властями были разработаны и изданы «Правила о пресечении чумы в Ставропольской губернии», которые предусматривали ответственных за «предупреждение и пресечение чумной заразы», круг обязанностей исполнителей при проведении противочумных мероприятий, порядок осмотра скота, выявления и убоя больных и подозрительных в заболевании животных, порядок финансирования мероприятий, оценки убитых животных и порядок выплаты владельцу животных компенсаций и т. п. [1, с. 166]. За явно больную скотину владельцам платили 5 руб., за скотину, у которой по осмотру ветеринаров были найдены зачатки чумы, платили по оценке около 20 руб. Однако местные жители зачастую старались скрывать больную скотину, не получая вознаграждения, а за сокрытие подвергаясь аресту на месяц [5, с. 1].

По официальным сведениям, в Ставропольской губернии с 1871 по 1886 г. чумой рогатого скота заболело 107 248 голов, или 10,11% всего наличного рогатого скота, из которого пало 55 755 голов, или 51,9%, и выздоровело 50 593 штук (48,1%). В среднем в год заболело чумой около 8 250 голов, из которых погибало не менее половины [5, с. 1; 27]. Несмотря на строгие меры, как кочевники, так и крестьяне утаивали случаи появления чумы в хозяйстве, отказываясь от убоя больных животных, всячески нарушая карантинные правила.

Характер экономической деятельности каждой крупной административной единицы обуславливался ее естественными производительными силами. Ставропольский статистический комитет, созданный в 1858 г., разделял экономическую деятельность населения на две важные отрасли народного хозяйства: земледельческую – для оседлого населения и скотоводческую – для кочевых народов. Статистика экономической деятельности населения Ставропольской губернии представлялась на страницах губернских ведомостей. Численность поголовья скота к 1 января 1887 г. в Ставропольской губернии составляла 3 614 515 голов, из них: лошадей – 130 431; рогатого скота – 662 013; овец – 2 643 345, из них овец простых – 503 786 голов, тонкорунных – 788 545, калмыцких – 351 014; коз – 84 780; буйволов – 79; верблюдов – 8 375; свиней – 84 592, иных животных – 900. При этом статистика располагала данными, что у оседлого населения было 3 108 032 голов скота, а у кочевого населения – всего 506 483 голов. Распределение скотоводства у кочевых народов происходило следующим образом (табл. 5). Однако распределение скота по кибиткам происходило неравномерно (табл. 6).

Таблица 5. Номадное животноводство калмыков, туркмен и ногайцев по кибиткам (семьям) [12, с. 1–2].

Номадное животноводство	Калмыки	Туркмены		Ачикалак-джембойлуковцы		Караногайцы	Итого
		Оседлые	Кочующие	Оседлые	Кочующие		
Всего кибиток (дворов)	2 223	1 899	2 356	428	3 509	5 176	15 591
Из них не имеют:							
• лошадей	969 (43,5 %)	950 (50 %)	1 577 (66,9 %)	253 (59,1 %)	1 726 (49,1 %)	1 920 (37 %)	7 395 (47,4 %)
• рогатого скота	736 (33,1 %)	910 (47,9 %)	1 618 (68,6 %)	258 (59,2 %)	1 965 (56,0 %)	1 756 (33,9 %)	7 243 (46,6 %)
• овец	2030 (91,5 %)	1 646 (86,6 %)	1 608 (67,6 %)	388 (90,0 %)	2 067 (58,9 %)	3 488 (67,3 %)	11 227 (72,0 %)

Таблица 6. Распределение скота калмыков, туркмен и ногайцев по кибиткам [12, с. 2]

Распределение скота по кибиткам	Калмыки	Туркмены		Ачикалак-джембойлуковцы		Караногайцы	Итого
		Оседлые	Кочующие	Оседлые	Кочующие		
Лошади							
Кибиток, имеющих по 1 голове	1 009	759	422	123	1 325	2 500	6 138
2	138	134	140	31	178	259	880
3	42	35	53	8	77	79	294
4–10	33	19	99	11	112	175	449
11–20	25	2	18	2	36	95	178
21–50	1	–	24	–	28	96	149
51–100	1	–	5	–	19	39	64
101–200	4	–	4	–	7	9	24
201–300	1	–	7	–	–	2	10
301–500	–	–	4	–	1	2	7
501–1 000	–	–	3	–	–	–	3
Итого	1 254	949	779	175	1 783	3 256	8 196
Рогатый скот							
Кибиток, имеющих от 1 до 6 голов	524	437	394	81	823	1 729	3 988
6–10	250	177	112	25	214	584	1 362
11–24	408	202	157	17	269	670	1 723
25–30	99	42	28	7	67	152	395
свыше 30	196	131	47	40	171	285	870
Итого	1 477	989	738	170	1 544	3 420	8 338
Овцы							
Кибиток, имеющих от 1 до 10 голов	22	67	45	10	89	276	509
11–50	68	142	250	13	257	771	1 501
50–100	59	36	159	6	81	279	620
100–200	27	6	136	–	68	175	412
201–500	10	2	101	10	32	133	288
501–1 000	9	–	37	–	12	43	101
1 001–1 500	–	–	16	1	2	7	26
1 501–2 000	–	–	2	–	1	2	5
2 001–3 000	–	–	1	–	–	2	3
свыше 3 000	–	–	1	–	–	–	1
Итого	195	253	748	40	542	1 688	3 466

Из этих данных вытекают крайне неутешительные выводы: более половины инородцев (55,3 %) не имело никакого скота. Больше всего находилось в упадке овцеводство, дававшее номаду одежду и войлок на кибитку, – инородцев, не имевших овец, по данным таблицы, было 72 %. Оседлые туркменские и джембойлукские общества

были беднее кочующих, у первых 61 %, а у вторых – 69,4 % не имело никакого скота. Положение калмыков Большедербетовского улуса было не менее тяжелым. Нельзя было считать богатыми и тех инородцев, которые имели от 1 до 3 лошадей, от 1 до 6 голов рогатого скота или от 1 до 10 овец, а таких номадов было не менее 75,8 %.

Несмотря на сокращение номадного животноводства и вопреки ожидаемому ослаблению эпизоотий, к началу 1890 г. создалась очень неблагоприятная ситуация. В Ставропольской губернии в 29 неблагоприятных по чуме пунктах имелось 152 327 животных, пало крупного рогатого скота 285 и было убито 12 452 голов. На вознаграждение скотовладельцев и уборку трупов было потрачено 162 335 руб. Разразившуюся чуму рогатого скота описал Г. Н. Прозрителев: «К 1892–94 г. разыгралась в губернии потрясающее событие, сразу перевернувшее строй хозяйственной жизни. Свиристествовавшая на рогатом скоте чума вызвала со стороны министерства необходимость принятия решительных мер, так как случаи заноса чумы в Австрию и Германию путем купленных в России кож вызвали запрос со стороны этих правительств и приостановку приема наших грузов с постановкой карантинных. Решение было применить обязательный убой скота... Целые гурты скота истреблялись, и человек из богатого в один день делался батраком» [22, с. 24–25].

С целью пресечения чумы рогатого скота главному приставу кочующих народов, попечителю Большедербетовского улуса, а также станковым приставам предписывалось оказывать всяческую помощь и содействие ветеринарным комиссиям. В частности, вся ответственность за успешную деятельность ветеринарно-полицейских работ, а также беспрекословное исполнение по чумному делу обязанностей подведомственными чинами полиции, ложилась на местные власти [26, 1890 г., № 6, с. 2].

Согласно «Ведомости о ходе эпизоотий на домашних животных», еженедельно публиковавшейся на страницах Ставропольских губернских ведомостей можно представить следующие сведения (табл. 7).

Таблица 7. Ведомость о повальных болезнях на скот на землях кочевых народов Ставропольской губернии (1888–1898 гг.) по данным Ставропольских губернских ведомостей [26, 1888 г., № 27, 38, 41, 45; 1889 г., № 3, 8, 14, 16, 20, 38, 42–45; 1890 г., № 11, 18, 19, 22, 33–35, 37–39, 42, 43, 46]

Эпизоотии по годам	Калмыки			Туркмены			Ногайцы		
	заболело	пало	убито	заболело	пало	убито	заболело	пало	убито
1888 (<i>чума</i>)	19	–	–	–	–	–	19	19	–
1889 (<i>чума</i>)	539	11	527	–	–	–	104	–	103
1890 (<i>чума</i>)	125	–	125	–	–	–	–	–	–
1890 (<i>оспа</i>)	2544	136	–	–	–	–	63	–	22
1898 (<i>чума</i>)	26	25	–	–	–	–	35	35	–
1898 (<i>сибирская язва</i>)	976	186	–	822	28	–	438	222	–
1898 (<i>ящур</i>)	521	1	–	4	1	–	9424	247	–

Сведения эти неполны, т. к. на страницах губернских ведомостей публиковались только зафиксированные властями факты эпизоотий среди кочевых обществ, тем не менее они позволяют изучить динамику примерно за десятилетний период. Так, чума рогатого скота беспокоила больше калмыков, затем ногайцев, причем в Туркменском приставстве вспышек чумы не было отмечено. Сильно беспокоила номадов в конце XIX в. сибирская язва и ящур. В начале XX в., согласно ведомостям о движении болезней, номадное животноводство было подвержено дифтерии, скарлатине, брюшному тифу и дифтерии, но следует отметить, что эти случаи носили единичный характер [26, 1914 г., № 35, 41, 51].

Рассмотрим таблицу 8, отражающую размеры общей земельной площади степных приставств, численность населения и количество скота за 1879–1899 гг.

Таблица 8. Положение nomадного животноводства ногайцев, туркмен и калмыков (1879–1899)
[1, с. 163–164; 28]

Пятилетия	Всего земли, га	Население обоего пола	Всего скота, голов							
			лошадей	рогатого скота	в т. ч. рабочих воллов	овец	в т. ч. тонко- рунных	коз	прочего скота	всего
Ачикулакское приставство										
1879	179 201	24 000	6 000	21 000	5000	58 000	–	3000	–	88 000
1880–1884		23 000	8 000	20 000	4000	51 000	–	2000	–	82 000
1885–1889		19 000	7 000	16 000	–	58 000	–	4000	–	87 000
1890–1894		17 000	7 000	18 000	3000	37 000	3 000	2000	–	65 000
1895–1899		17 000	10 000	21 000	4000	48 000	12 000	2000	–	82 000
Туркменское приставство										
1879	882 966	21 000	8 000	14 000	2000	120000	–	4000	6000	152000
1880–1884		24 000	9 000	13 000	2000	116000	–	6000	6000	150000
1885–1889		20 000	11000	12 000	3000	150000	–	11000	7000	191000
1890–1894		20 000	8 000	13 000	2000	97 000	9 000	6000	5000	129000
1895–1899		18 000	9 000	18 000	2000	87 000	–	4000	5000	123000
Большедербетовский улус										
1879	289 635	7 000	4 000	15 000	–	18 000	–	2000	–	38 000
1880–1884		10 000	2 000	16 000	1 000	28 000	13 000	1000	–	42 000
1885–1889		11 000	3 000	27 000	2 000	122 000	46 000	3000	–	156000
1890–1894		12 000	2 000	29 000	3 000	166 000	98 000	3000	1000	202000
1895–1899		12 000	4 000	36 000	4 000	379 000	80 000	2000	1000	423000
ВСЕГО										
1879	1 351 802	52 000	18000	50 000	7000	196000	–	9000	6000	279000
1880–1884		57 000	19000	49 000	7000	195000	13 000	9000	6000	278000
1885–1889		50 000	21000	55 000	5000	330000	46 000	18000	7000	431000
1890–1894		49 000	17000	60 000	8000	300000	110000	11000	6000	394000
1895–1899		47 000	23000	75 000	10000	514000	92 000	8000	6000	626000

Так, общее количество животных у степняков выросло с 1879 по 1899 г. с 279 000 до 626 000 голов. Мало изменилась численность лошадей (с 18 000 до 23 000), крупного рогатого скота стало больше (с 50 000 до 75 000), овец прибавилось более чем на 300 000 (с 196 000 до 515 000). Стоит обратить внимание и на сокращение количества народонаселения в степи в последней четверти XIX в. Сопоставим эти данные с количеством народонаселения и состоянием nomадного животноводства в начале XX в. (табл. 9).

Таблица 9. Население, территории и положение nomадного животноводства
Ставропольской губернии в 1900–1913 гг. [1, с. 185]

Годы	Всего земли, га	Население обоего пола, тыс. чело- век	Всего скота, тыс. голов							
			Лошадей	Рогатого скота	в т. ч. рабо- чих воллов	Овцы	в т. ч. тонко- рунных	Козы	Прочий скот	Всего
1900–1904	1 351 802	48	27	91	17	528	329	10	8	664
1905–1909	1 291 802	49	22	99	–	380	199	11	5	517
1910–1913	1 241 666	47	21	80	–	381	181	11	5	498

Так, за 1900–1913 гг. численность населения степных народов оставалась практически неизменной, значительно убавилось у них число лошадей и крупного рогатого скота и катастрофически снизилось число овец, в том числе тонкорунных. Всего же численность животных уменьшилась на 166 000 голов, главным образом за счет овец.

Сравнение показателей свидетельствует, что у всех кочевников с 1879 по 1905 г., в расчете на единицу площади землепользования, а также на 100 душ населения, общее число домашних животных постепенно возрастало. При этом количество скота на 100 десятин земли увеличилось в 2,5 раза, а на 100 душ населения – в 4 раза. Это свидетельствовало о том, что показатель роста числа животных обгонял таковой роста числа населения. В последние анализируемые два десятилетия численность животных как по расчету на 100 десятин земли, так и по расчету на 100 душ населения пошла на спад. Количество их в эти годы уменьшилось главным образом за счет уменьшения овец и в значительно меньшей мере за счет крупных животных. Динамика положения кочевнического животноводства за 35-летний период представлена на диаграммах (рис. 1–2).

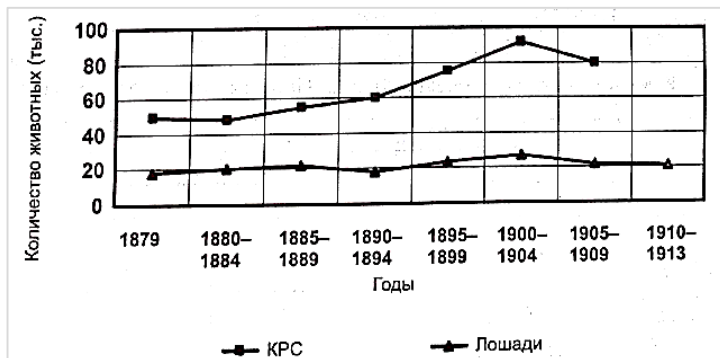

Рисунок 1. Динамика численности крупного рогатого скота и лошадей на территории кочевых народов Ставропольской губернии за 1879–1913 гг. [1, с. 185]

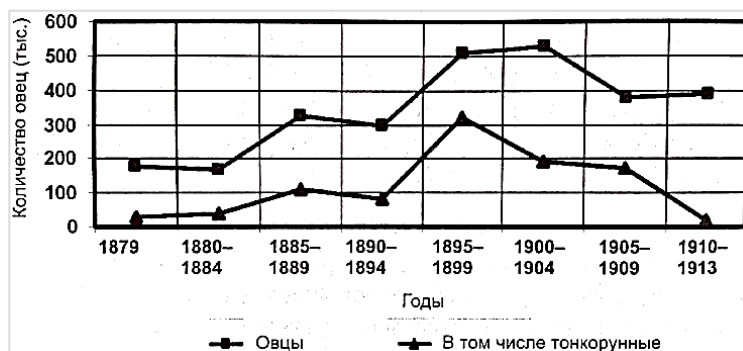

Рисунок 2. Динамика численности овец на территории кочевых народов Ставропольской губернии за 1879–1913 гг. [1, с. 186]

Необходимость улучшения животноводства в Ставропольской губернии, где в значительной мере сохранялся его экстенсивный характер, вызвала заинтересованность со стороны правительственных кругов, которая отобразилась в решении Губернского комитета: «обратить внимание на поднятие местного животноводства в качественном отношении». В этих целях предписывалось: 1) «предоставить некоторым лучшим заводчикам, занимающимся разведением красного калмыцкого скота, право долгосрочной аренды по возможно низким ценам, как казенных, так и «иногородческих» земель с тем, чтобы на отведенных участках они завели рассадники племенного калмыцкого скота на рациональных началах и снабжали бы производителями крестьян на льготных условиях... 2) иметь в губернии, по крайней мере, четыре рассадника в Большедербетовском улусе, в Трухменской степи, на казенных оброчных участках и в удельной степи; 3) принять меры к распространению в губернии посевов кормовых

трав и корнеплодов, а также к сохранению ... производства жмыхов и отрубей; 4) устраивать выставки племенного скота и лошадей, в целях поощрения отдельных крестьян к улучшению различных пород скота, и назначать денежные премии за лучшие экземпляры» [13, 1902 г., с. 291–321; 20, с. 2–3].

Основываясь на материалах заседания Губернского комитета, ставропольский губернатор создал комиссию для исследования вопроса о предоставлении скотоводам и овцеводам Ставропольской губернии льготных условий аренды земель на территории, управляемой главным приставством кочевых народов. В состав комиссии вошли главный пристав А. А. Польский (председатель), губернский ветеринарный инспектор И. А. Качинский, попечитель Большедербетовского улуса К. А. Игнациус, туркменский пристав А. А. Добрыня, ветврачи В. И. де Фриу, Н. Г. Колесников и П. Д. Платковский, а также местные владельцы (скотозаводчики). Тем не менее вопрос улучшения положения кочевничества оставался без разрешения до 1910 г., когда по распоряжению губернатора было создано особое совещание по животноводству, где отдельное внимание было уделено проблемам кочевничества. Важным итогом можно считать решение о создании губернской зоотехнической организации и одобрение программы базы опытного и научного обслуживания животноводства [6, л. 90].

В инородческих степях, в частности в Летней ставке и ставке Ачикулак, были созданы зоотехнические рассадники крупного рогатого скота (калмыцкой, симментальской и шортгорнской пород) и овец (волошской, каракульской и линкольнской пород), основной целью которых было улучшение местной породы скота. Местные рассадники играли одновременно роль опытных учреждений в производстве опытов и наблюдений по кормлению и уходу за животными, тесно связанных с местными природно-климатическими условиями [29, с. 39].

Особенное внимание правительственных учреждений было уделено сохранению и поддержанию красного калмыцкого скота. Были обследованы владельцы крупных частновладельческих хозяйств в Большедербетовском и Туркменском приставствах. Было принято решение о льготной поддержке местных хозяйств путем устройства на казенных землях их рассадников. Арендная цена на землю для таких целей устанавливалась вдвое меньше и составляла 11 коп. вместо 22 коп. Срок аренды устанавливался на срок не менее 24 лет. Взамен льгот арендатор обязан был ежегодно поставлять к 1 сентября племенных коров по цене 150 руб. за животное, в количестве 10 % от имевшихся в рассаднике скота [15, с. 16–17].

21 мая 1911 г. на Летней туркменской ставке состоялась трехдневная выставка животноводства. В ее программу были включены, кроме коневодства, скотоводство и овцеводство. Большое значение для развития животноводства губернии имели губернские выставки: 1-я Ставрополь-Кавказская губернская выставка животноводства и сельской промышленности, Ставропольская губернская выставка животноводства сельского хозяйства и др. [18, с. 2–3; 19, с. 4; 23, с. 108]. Выставки считались одними из важных дел в поддержании и сохранении местных скотоводов.

Большедербетовский улус, Ачикулакское и Туркменское приставства Ставропольской губернии оставались крупнейшими скотоводческими районами Северного Кавказа. Несмотря на попытки местных властей преодолеть кризис животноводства путем предоставления льгот крупным скотоводческим хозяйствам, улучшения продуктивности скотоводства, выделения субсидий и пр., эти меры не могли существенно исправить положение.

Выводы

Рассмотрев состояние кочевничества на фоне общей картины его развития, можно сделать вывод, что местное животноводство в XIX – начале XX в. испытывало кризис, особенно в 1850-е, 1870–1880-е и 1910-е гг. Сокращение пастбищного пространства, необходимого для выпаса скота, выступавшего основным источником благосостояния кочевых обществ, природно-климатические факторы (неплодородие почв, бураны, засухи) и многочисленные эпизоотии выступали факторами кризисного

состояния экстенсивного кочевого скотоводства. Попытки региональных властей преодолеть кризис животноводства не могли существенно изменить положения кочевников. Несмотря на относительное сокращение поголовья крупного рогатого скота в регионе к началу XX в., эта отрасль животноводства сохранила довольно сильные позиции в среде кочевых народов. Степное скотоводство с экстенсивными способами разведения и ухода за животными под влиянием многочисленных факторов и естественного хода экономической эволюции подвергалось трансформациям, что выражалось в смене одних хозяйственных форм новыми, современными. Большедербетовский улус, Ачикулакское и Туркменское приставства Ставропольской губернии оставались крупнейшими скотоводческими районами Северного Кавказа.

Список литературы

1. Башкатов, Г. А. История развития животноводства Ставропольского края (экстенсивный период) / Г. А. Башкатов, В. И. Колесников. – Ставрополь : АГРУС, 2009. – 479 с.
2. Бентковский, И. В. Наши кочевники и их экономическое состояние / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1879. – № 32, 34–35.
3. Бентковский, И. В. Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1882. – № 29–32.
4. Бентковский, И. В. Практические замечания о болезни рогатого скота, называемой «чихирь» / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1853. – № 8. – С. 51–54.
5. Бентковский, И. В. Чума рогатого скота / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости. – 1887. – № 28. – С. 1.
6. Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК). – Ф. 40. – Оп. 1. – Д. 1.
7. ГАСК. – Ф. 68. – Оп. 2. – Д. 363.
8. ГАСК. – Ф. 153. – Оп. 1. – Д. 33.
9. Джумагулова, А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX – начале XX веков / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 7. – С. 377–397. – doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.
10. Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. А. П. Пронштейн. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1977. – 240 с.
11. Дуброва, Я. П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 г. / Я. П. Дуброва. – Казань : Типо-лит. Императорского ун-та, 1898. – 239 с.
12. Естественные и производственные силы губернии и экономическая деятельность населения Ставропольской губернии в 1887 г. // Ставропольские губернские ведомости. – 1888. – № 38.
13. Журнал Ставропольского губернского статистического комитета. – Ставрополь, 1892–1906.
14. Кидирниязов, Д. С. Земельно-правовые отношения и седентаризация ногайцев во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. – 2022. – Т. 11, № 7. – С. 398–416. – doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416.
15. Колесников, Н. Г. Современное положение частновладельческих и крестьянско-арендаторских заводов скота красной калмыцкой породы в Ставропольской губернии (по данным обследования 1912 г.) / Н. Г. Колесников. – Ставрополь : Тип. губернского правления, 1914. – 135 с.
16. Лиджиева, И. В. Кочевые инородцы Степного Предкавказья: административно-территориальные модели XIX в. / И. В. Лиджиева // Политика и Общество. – 2016. – № 9. – С. 1265–1271.
17. Львовский, Н. В. Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии / Н. В. Львовский. – Казань : Типо-лит. ун-та, 1893. – 120 с.
18. Отчет о деятельности Общества северокавказского животноводства с 15 августа 1907 г. по 1 января 1911. – Ставрополь : Северный Кавказ, 1911. – 114 с.
19. Отчет о деятельности Северокавказского губернского отдела российского общества покровительства животным (1896–1911). – Ставрополь: Тип. губернского правления, 1912. – 49 с.
20. Отчет о состоянии ветеринарной части в Ставропольской губернии за 1904 г. – Ставрополь : Тип. губернского правления, 1906. 40 с.
21. Прибавление к официальной части Ставропольских губернских ведомостей. – 1898. – № 5, 9, 13, 17, 22, 27, 31, 36, 40, 44, 48.

22. Прозрителев, Г. Н. Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении / Г. Н. Прозрителев. – Ставрополь : [Б. и.], 1925. – Ч. 2. – 66 с.
23. Рагушняк, В. Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века / В. Н. Рагушняк. – Ростов-на-Дону : Ростовский ун-т, 1989. – 251 с.
24. Ребров, А. Ф. Зима 1844–1845 гг. на степях прикумских на Кавказе / А. Ф. Ребров // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – 1845. – № 3. – С. 220–292.
25. Рудановский, А. Заметки о Кизлярском уезде / А. Рудановский // Кавказ. – 1864. – № 96. – С. 524–525.
26. Ставропольские губернские ведомости. – 1852–1914.
27. Статистика населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. – Ставрополь : Тип. Ставропольского губернского правления, 1881. – Вып. 9. – 274 с.
28. Твалчрелидзе, С. А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях / С. А. Твалчрелидзе. – Ставрополь : Тип. М. Н. Карицкого, 1897. – 743 с.
29. Труды Ставропольского губернского зоотехнического совещания (18–23 октября 1911 г.). – Ставрополь : Тип. губернского правления, 1912. – 39 с.
30. Щеглов, И. Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии : в 4 т. / И. Л. Щеглов. – Ставрополь : Тип. губернского правления, 1910–1911.
31. Эрстов, Р. Д. О скотокрадстве и мерах к пресечению или уменьшению оного / Р. Д. Эрстов // Записки Кавказского общества сельского хозяйства. – 1876. – № 1. – С. 51–56.

References

1. Bashkatov, G. A., Kolesnikov, V. I. *Istoriya razvitiya zhivotnovodstva Stavropolskogo kraya (ekstensivnyy period)* [The history of animal husbandry development in the Stavropol Territory (extensive period)]. Stavropol: AGRUS; 2009, 480 p.
2. Bentkovskiy, I. V. Nashi kochevniki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie [Our nomads and their economic condition]. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1879, no. 32, 34–35.
3. Bentkovskiy, I. V. Obzor ekonomicheskogo sostoyaniya inorodtsev, kochuyushchikh v Stavropolskoy gubernii [Review of the economic condition of foreigners roaming in the Stavropol province]. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1882, no. 29–32.
4. Bentkovskiy, I. V. Prakticheskie zamechaniya o bolezni rogatogo skota, nazyvaemoy "chikhir" [Practical remarks on the disease of cattle called "chikhir"]. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1853, no. 8, pp. 51–54.
5. Bentkovskiy, I. V. Chuma rogatogo skota [Cattle plague]. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1887, no. 28, p. 1.
6. *State archive of the Stavropol territory*. Found 40, inventory 1, case 1.
7. *State archive of the Stavropol territory*. Found 68, inventory 2, case 363.
8. *State archive of the Stavropol territory*. Found 153, inventory 1, case 33.
9. Dzhumagulova, A. T. Osobennosti sostoyaniya ekonomiki nogaiskikh obshchestv Severnogo Kavkaza v XIX – nachale XX vekov [Features of the state of the economy of the Nogai societies of the North Caucasus in the XIX – early XX centuries]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi dialog]. 2022, vol. 11, no. 7, pp. 377–397, doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.
10. *Don i stepnoe Predkavkaze. XVIII – pervaya polovina XIX v.* [Don and steppe Pre-Caucasus. XVIII – the first half of the XIX century]. Rostov-on-Don: Rostov University; 1977, 240 p.
11. Dubrova, Ya. P. *Byt kalmykov Stavropolskoy gubernii do izdaniya zakona 15 marta 1892 goda* [Life of the Kalmyks of Stavropol province before the publication of the law on March 15, 1892]. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta; 1898, 239 p.
12. Yestestvennye i proizvodstvennye sily gubernii i ekonomicheskaya deyatel'nost' naseleniya Stavropolskoy gubernii v 1887 g. [The natural and productive forces of the province and the economic activity of the population of the Stavropol province in 1887]. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol Provincial Gazette]. 1888, no. 38.
13. *Zhurnal Stavropolskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Journal of the Stavropol Provincial Statistical Committee]. Stavropol; 1892–1906.
14. Kidirmiyazov, D. S. Zemelno-pravovyye otnosheniya i sedentarizatsiya nogaytsev vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vekov [Land and legal relations and sedentarization of Nogais

in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Nauchnyy dialog* [Nauchnyi dialog]. 2022, vol. 11, no. 7, pp. 398–416, doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-398-416.

15. Kolesnikov, N. G. *Sovremennoe polozhenie chastnovladelcheskikh i krestyansko-arendatorskikh zavodov skota krasnoi kalmytskoi porody v Stavropolskoy gubernii (po dannym obsledovaniya 1912 g.)* [The current situation of private-owned and peasant-tenant cattle factories of the red Kalmyk breed in the Stavropol province (according to the survey of 1912)]. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1914, 135 p.

16. Lidzhiya, I. V. Kochevye inorodtsy Stepnogo Predkavkazya: administrativno-territorialnye modeli XIX v. [Nomadic aliens of the Steppe Pre-Caucasus: administrative-territorial models of the XIX century]. *Politika i Obshchestvo* [Politics and Society]. 2016, no. 9, pp. 1265–1271.

17. Lvovskii, N. V. *Kalmyki Bolshederbetovskogo ulusa Stavropolskoy gubernii* [Kalmyks of Bolshederbetovsky ulus of Stavropol province]. Kazan: Tipografiiya Imperatorskogo universiteta; 1893, 120 p.

18. *Otchet o deyatelnosti Obshchestva severokavkazskogo zhitovnovodstva s 15 avgusta 1907 g. po 1 yanvarya 1911* [Report on the activities of the North Caucasian Livestock Society from August 15, 1907 to January 1, 1911]. Stavropol: Severnyy Kavkaz; 1911, 114 p.

19. *Otchet o deyatelnosti Severokavkazskogo gubernskogo otdela rossiyskogo obshchestva pokrovitelstva zhitovnym (1896–1911)* [Report on the activities of the North Caucasian provincial Department of the Russian Society for the Protection of Animals (1896–1911)]. *Sbornik svedenii o Severnom Kavkaze za 1911* [Collection of information about the North Caucasus for 1911]. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1912, 49 p.

20. *Otchet o sostoyanii veterinarnoy chasti v Stavropolskoy gubernii za 1904 g.* [Report on the state of the veterinary unit in Stavropol province for 1904 Stavropol]. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1906, 40 p.

21. *Pribavlenie k ofitsialnoy chasti Stavropolskikh gubernskikh vedomostey* [Addition to the official part of the Stavropol provincial gazette]. 1898, no. 5, 9, 13, 17, 22, 27, 31, 36, 40, 44, 48.

22. Prozritelev, G. N. *Stavropolskaya guberniya v istoricheskom, khozyaistvennom i bytovom otnoshenii* [Stavropol province in historical, economic and domestic terms]. Stavropol; 1925, part 2, 66 p.

23. Ratushnyak V. N. *Selskokhozyaistvennoe proizvodstvo Severnogo Kavkaza v kontse XIX – nachale XX veka* [Agricultural production of the North Caucasus in the late XIX – early XX century]. Rostov-on-Don: Rostov University; 1989, 251 p.

24. Rebrov, A. F. Zima 1844–1845 gg. na stepyakh prikumskikh na Kavkaze [Winter of 1844–1845 on the Prikum steppes in the Caucasus]. *Zhurnal selskogo khozyaystva i ovtsevodstva* [Journal of Agriculture and Sheep Breeding]. 1845, no. 3, pp. 220–292.

25. Rudanovskiy, A. *Zametki o Kizlyarskom uезде* [Notes on the Kizlyar district]. *Kavkaz* [Caucasus]. 1864, no. 96, pp. 524–525.

26. *Stavropolskie gubernskie vedomosti* [Stavropol provincial Gazette]. 1852–1914.

27. *Statistika naseleennykh mest i pozemelnoy sobstvennosti v Stavropolskoy gubernii* [Statistics of settlements and land ownership in Stavropol province]. Stavropol: Tipografiya Stavropolskogo gubernskogo pravleniya; 1881, iss. 9, 274 p.

28. Tvalchrelidze, S. A. *Stavropolskaya guberniya v statisticheskom, geograficheskom, istoricheskom, selskokhozyaistvennom otnosheniyakh* [Stavropol province in statistical, geographical, historical, agricultural relations]. Stavropol: Tipografiya M. N. Karitskago; 1897, 743 p.

29. *Trudy Stavropolskogo gubernskogo zootekhnicheskogo soveshchaniya (18–23 oktyabrya 1911 g.)* [Proceedings of the Stavropol provincial zootechnical meeting (October 18–23, 1911)]. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1912, 39 p.

30. Shcheglov, I. L. *Trukhmeny i nogaity Stavropolskoy gubernii. Svedeniya o khozyaistve osedlykh i kochuyushchikh inorodtsev, russkikh krestyan i khutoryan-ovtsevodov v Trukhmenskoy i Achikulakskoy stepi Stavropolskoy gubernii: v chetyrekh tomakh* [Trukhmen and Nogais of the Stavropol province. Information about the economy of settled and nomadic foreigners, Russian peasants and sheep farmers in the Trukhmen and Achikulak steppe of Stavropol province: in 4 vols]. Stavropol: Tipografiya gubernskogo pravleniya; 1910–1911.

31. Eristov, R. D. *O skotokradstve i merakh k presecheniyu ili umensheniyu onogo* [On cattle rustling and measures to curb or reduce it]. *Zapiski Kavkazskogo obshchestva selskogo khozyaystva* [Notes of the Caucasian Society of Agriculture]. 1876, no. 1, pp. 51–56.

Информация об авторах

Джумагулова А. Т. – кандидат исторических наук;

Кидирниязов Д. С. – доктор исторических наук, профессор.

Information about the authors

Dzhumagulova A. T. – Candidate of Historical Sciences.

Kidirniyazov D. S. – Doctor of Historical Sciences, Professor.

Вклад авторов

Джумагулова А. Т. – разработка концепции исследования, изучение литературы и источников, работа в архиве, обработка и представление документальных материалов, написание текста, итоговые выводы;

Кидирниязов Д. С. – выбор темы, аргументация проблемы, постановка и обоснование цели статьи, общие и практические обобщения.

Contribution of the authors

Dzhumagulova A. T. – development of the research concept, study of literature and sources, work in the archive, processing and presentation of documentary materials, writing the text, final conclusions;

Kidirniyazov D. S. – topic selection, argumentation of the problem, formulation and justification of the purpose of the article, general and practical generalizations.

Статья поступила в редакцию 03.08.2024; одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.

The article was submitted 03.08.2024; approved after reviewing 26.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.